

О.В. Кириченко

Народный монархизм в XIX и в начале XX в.

Аксиомой является утверждение о «русском народном монархизме» — устойчивом феномене, существовавшем в течение всего периода монархического правления, о чем не раз высказывались современники этой эпохи¹. Одни из них ставили это в заслугу народу, другие наоборот, считали это качество его слабой стороной. Историография, как ни богата на этот счет, но следует признать, что абсолютное большинство работ, написанных по проблеме народного монархического сознания и вообще русского народного монархизма, относятся к публицистическим, в них нет строгой постановки проблемы, нет работы с терминами и потому они имеют скорее значение источника по истории русской политической мысли, нежели служат научной основой для продолжения темы². Конечно, среди других выделяется имя Л.А. Тихомирова, именно как аналитика, но и у него в основной работе по этой теме не так много места уделяется русскому народному монархизму, да и его близость (хотя и с оговорками) точке зрения на монархизм Б.Н. Чичерина явно

сковывает его мысль теми условностями, которые были характерны для либерального направления русской философской мысли. И.Л. Солоневич в книге «Народная монархия» автор отталкивается от идеи бессловного, с его точки зрения, подлинно народного общества, которое одно может обеспечить монархии почву и крепость. «Мощная царская власть» нуждается в народной силе, народа, как единой «массы», а народ нуждается в такой власти, которая обеспечивает его подлинные интересы. Восстановление монархии, как «народной монархии» зависит от воспитания народа в монархическом духе; делать это сможет только новая интеллигенция, преданная монархия и воспитанная в монархическом духе. Как только в народе укрепится монархический дух, так сразу народ станет изъявлять свою монархическую волю, появится монарх и будет восстановлена «целая система учреждений — от Всероссийского престола до сельского схода»³. При всей яркости этой концепции, верности отдельных характеристик, ясности понимания национальной идеи в России («Рус-

¹ Щербатов А.Г., князь. Обновленная Россия // Щербатов А.Г., князь. Обновленная Россия и другие работы М., 2002. Сост. И.А. Настенко. С. 29—36; Тихомиров Л.А. Монархическая государственность СПб., 1997. С. 388 и др.

² Вот несколько публицистических определений, характеризующих особый союз царя и народа в России: 1) «Мы называем себя верноподданными. Мы воздаем должный почет Царю как верховному лицу, от которого все зависит и все исходит. Но не в эти ли минуты понимаем мы все значение Царя в народной жизни? Не чувствуем ли мы теперь с полным убеждением и ясностью зиждительную силу этого начала, не чувствуем ли, в какой глубине оно коренится и как им держится, как замыкается им вся сила народного единства?... В ком живо сказалось единство Отечества, в том с равной живостью и силой сказалась идея Царя; всякий почувствовал, что и другое есть одна и та же всеобъемлющая сила» — Катков М.Н. Имперское слово. М., 2002. Сост. М.Б. Смолин. С. 111; 2) «Никогда не предпочтет Русский народ самодержавию личной, личной, нравственно-ответственной совести человека-Царя случайное перескакивающее самодержавие вечно зыблущегося. Изменчивого, арифметического перевеса безличных голосов, даже и нравственно-безответных!» Именно царь дает народу широкие возможности самоуправления: «нет надежнейшей опоры для русской царской власти, как наш сельский мир; на мирском или общинном строе Русской земли, способном и к более полному, в народном же духе, развитию, зиждется русское самодержавие» — Аксаков И.С. Самодержавие и свобода // Аксаков И.С. Наше знамя — русская народность. М., 2008. 263; 3) «Одним словом, с какой бы стороны мы не взглянули на великорусскую жизнь и государство, мы увидим, что византизм, т.е. церковь и царь прямо или косвенно, но, во всяком случае, глубоко проникают в самые недра нашего общественного организма» — Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. Сост. И.Н. Смирнов. С. 40.

³ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2002. С. 39—40.

ская идея государственности, нации и культуры являлась, является и сейчас, определяющей идеей всего национального государственного строительства России), точка зрения Солоневича страдает очевидным «интеллигентским утопизмом», а также полным непониманием места Русской Православной Церкви в этом процессе.

Мы не ставим себе задачу присоединиться к тем или другим авторам, но попытаемся ответить на вопрос о характере субстанции по имени «русский народный монархизм»: что это такое — идея (идеология), знание, социальный, политический или культурный опыт, а может быть это цивилизационно-жизненная среда в государстве? Во всяком случае, монархизм для русских был не только идеалом политической системы; монархический опыт стал частью русского этнического сознания, частью русской (великорусской) этничности (этнического опыта). Совершенно очевидно, что в монархии и монархе был реализован религиозно-политический идеал народа, настолько, насколько он мог быть реалистично реализован в условиях земных реалий и несовершенства. И наличие идеала — монархии, — существовавшей в стране с середины XVI в. по 1917 г., т.е. почти 400 лет, — налицо. Как и проявление несовершенства, когда монархия была сметена революцией, оставив, безусловно, монархизм, как этнический опыт в душе народной, как неотъемлемую часть его коллективной личности. Вот почему, даже после смены монархии одним, потом другим строем, в народной памяти на уровне выбора «добра и зла», на уровне идеала и отклонений от него, все же сохраняются старые точки притяжения для народного чувства и мысли. Одной из важнейших таких точек является национальная идея. Конечно, не сама эта формулировка, а та суть, которая за ней стоит.

Важно обозначить каким было «поле активности» двух субъектов монархизма: царя и народа, ведь именно они были ответственны перед Богом (такова была логика происходящего) за свою долю политических трудов. Со стороны царя — это была «монархическая идеология», со стороны народа — «монархическая или национальная идея»⁴. Идея и идеология как единство и общая — для монарха и народа — деятельность и позволяли невыходить за рамки равных отношений, как и совместных усилий по поддержанию общеполитического порядка в стране. Они не должны были противоречить друг другу, но напротив — помогать и дополнять друг друга. Конечно, царь и народ были

не просто субъектами, но разными субъектами: царь был единоличным субъектом, а народ — коллективным. Но особое качество их субъектности вполне очевидно, оно укладывается во вполне объективные и осязаемые параметры единичности, каким обладал русский народ (этнос), с его одним языком (русским), с одной верой (православной), общей культурой и историей. Единичность же царя, как помазанника Божия, также характеризуется этноценностным императивом, которым царь обладал, но еще и — объединяющей (с точки зрения Российского пространства) народ силой. Первенствующей силой, ответственной за народ перед Богом, была не Церковь, а — царь. Это вытекало из властных прерогатив царя; он считался главным лицом, ответственным за землю, за территорию страны — отечество. Вся земля была его отчиной, из которой и осуществлялись пожалования за службу. Такая, во всяком случае, система сложилась к XVI в., когда установилась самодержавная монархия. Ответственность за землю подразумевала ответственность за народ (а потом и народы), живший на этой земле. И хотя это была не политическая, а религиозная ответственность, вытекающая из того, что царь был помазанником Божиим, но именно этот фактор двойной ответственности, позже, в конце XVI в. и позже, сыграл свою роль в деле прикрепления крестьян к земле, т.е. установления крепостного права. Особо отметим, что процесс прикрепления в первоначальных своих намерениях, не сводился к меркантильным, материальным причинам (для обогащения), а скорее подразумевал несколько идеальных мотивов: а) новые возможности для централизованного управления страной, когда земли, полученные за службу, должны были сохранять свое качество, в том числе в отношении численности населения на них; 2) чтобы владельцы земли могли по-отечески заботиться о переданном им в управление людям; 3) наконец, чтобы существовала определенная стабильность в управлении данными территориями. Конечно, «человеческий фактор» сыграл свою роковую роль в превращении идеального в материальное, в результате чего прикрепление к земле крестьян, постепенно, а особенно в послепетровской России, стало поводом для многочисленных злоупотреблений со стороны помещиков, и даже возникновения, с разрешения власти, на каком-то этапе, «рынка крепостных душ». Но если отвлечься от факта злоупотреблений, а остановиться на главном, то нельзя не согласиться с позицией

⁴ Л.А. Тихомиров в своем известном труде приводит на этот счет мнение Б. Н. Чичерина: «Он (царь. — О.К.) в отношении народа есть не личность, а идея» — Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 426.

К.Н. Леонтьева, писавшего: «Вся Россия, и сама Царская власть возрастали одновременно в тесной связи с возрастанием неравенства в русском обществе, с утверждением крепостного права и с развитием того самого “наследственного чиновничества”, которое так не нравится столбовому, 600-летнему — И.С. Аксакову»⁵. Эту же мысль проводит и Д.И. Менделеев, писавший в пореформенное уже время: «русский мужик, переставший работать на помещика, стал рабом Западной Европы и находится от нее в крепостной зависимости, доставляя хлебные условия жизни... Крепостная, то есть, в сущности, экономическая зависимость миллионов русского народа от русских помещиков уничтожалась, а вместо нее наступала экономическая зависимость всего русского народа от иностранных капиталистов»⁶. Д. И. Менделеев не знал, что очень скоро, после революции 1917 г. «весь русский народ» будет втянут в еще более страшную зависимость — от утопистов-революционеров, — которые лишат его уже и личной свободы.

Вместе с тем, нельзя вырывать даже эти негативные свидетельства из контекста истории и только ими оценивать монархию в России. Во-первых, только часть крестьян относилась к числу частновладельческих (около 40%); во-вторых, абсолютное большинство помещиков все же относились к своим крепостным по-человечески, и даже по-отечески, заботясь о них и создавая благоприятные условия для их хозяйственной и духовной жизни. Главное же, Россия вынуждена была набирать все новые, более быстрые экономические обороты (движение в сторону создания единого аграрного и промышленного рынка в стране) и на ходу изыскивать все новые возможности для централизации огромной страны, в условиях весьма жесткой внешней политики по отношению к ней со стороны западного мира на протяжении всего имперского периода. И здесь первенствующую роль играл именно фактор народного монархизма; овладения народом идеей православного монарха, как глубинной, единой идеей. Известный знаток правового статуса российского монарха М.В. Зызыкин считал, что монархическая власть объединяет общество, все народы империи, для всех являясь *национальной идеей*. «Она (верховная

власть. — О.К.) является объединительной национальной идеей, воплощающейся в конкретном органе, и призвана регулировать, примирять и согласовывать все частные силы. В этом обязательном их примирении ее основной смысл»⁷. В этом смысле понимал национальную идею и Л.А. Тихомиров, для него она — православный монарх, не ограниченный парламентом и народ, его поддерживающий и имеющий гегемонию в империи⁸. Вот почему, имея перед глазами другой вариант национальной идеи — монархии, частично ограниченной парламентом (Думой), Лев Александрович переживает трагедию исчезновения национальной идеи. Незадолго до революции, в 1913 г. он пишет об опасности для России жизни без национальной идеи, поскольку ее место (место царя и народа) заняла забота о материальном преуспевании⁹.

Конечно, существовали свои объективные причины, влияющие на разрушение классической (точнее традиционной) конструкции «монарх — народ». В имперскую эпоху, этническая единичность народа (русского) была расширена за счет новой — гражданской идеи, которая включала в себя этническую (русскую) монархическую идею как сердцевину, как ядро гражданской идеи. Соответственно и монархическая идеология стала шире — императорской, включающей в себя новый элемент — светскости монарха и этой светскостью как бы обволакивающей монархическое религиозное ядро — помазанника Божия. То есть конструкция двух субъектов стала более сложной, более рассчитанной на формальные механизмы, регулирующие их взаимоотношения. «Национальная идея народа» и «идеология монарха» вступили в достаточно непростые смысловые связи, причем местом пересечения смыслов становится светская составная часть идеологии монарха и идеи народа. Остановимся на каждой из сторон в отдельности.

1. Народная национальная идея

Национальной идеей русского народа всегда был православный монархизм. Чтобы поддерживать монархическую идею в ее чистоте и цельности, народ должен был сам быть цельным и единым, но в течение всего имперского периода русский народ терял свою цельность и единство. За XVIII столетие от единого народного тела практи-

⁵ Леонтьев К.Н. Славянофильство теории и славянофильство жизни // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. СПб., 2003. Т. 8. Кн. 1. С. 467.

⁶ Цит. по: Антонов М. «Менделеев Д.И.» // Русское хозяйство / Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Сост. О.А. Платонов. С. 491—492.

⁷ Зызыкин М.В. Царская власть и закон престолонаследия в России. София, 1924. С. 5.

⁸ Репников А.В., Милевский О. А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 386.

⁹ Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 561.

чески отделилось дворянство и государственное чиновничество. К народу все более стали относить простонародную, в основном крестьянскую его часть. Это в значительной степени сузило возможности для народного монархизма, он становится именно *простонародным (крестьянским)*, а значит во многом не озвученным на уровне политики и художественной культуры. Из фольклора постепенно уходят исторические песни о царях, былины, былички на эту тему, поскольку подобный фольклор требует самой широкой социальной базы из числа авторов, исполнителей, зрителей, которые не могли быть ограничены только крестьянской средой. Петр I — последний народный фольклорный персонаж на котором закончилась эта широкая фольклорная традиция¹⁰. Однако, *повсеместно* в крестьянских избах до революции висели портреты правящей царской семьи (царя и царицы), об этом свидетельствуют ответы корреспондентов бюро князя В.Н. Тенишева (а это уже конец XIX.), что было ярким свидетельством народного монархизма¹¹. «Портретов имеется совсем мало и исключительно только благополучно царствующего Государя Императора Николая II, супруги Его Государыни Императрицы Александры Федоровны, и бывших государей и государынь»¹². Интересно отметить, что бывали примеры, когда крестьяне вешали среди портретов царей и иностранных королей¹³. Были случаи уже в 1990-е годы, когда эти портреты доставались из сундуков или чердаков в сельских избах, где они продолжали лежать все советское время и ждать своего времени¹⁴.

Уход в армию новобранцев в народной среде повсеместно рассматривался как «служба царю-батюшке». Действо проводов обставлялось торжественно: новобранцы перед призывом гуляли, ездили на лошадях по селу *с колокольчиками*, также же, как при «свадебном поезде». Перед прощанием каждый призывник получал благословение от родителей,

которые снимали для этого образа и давали сыну напутствие служить царю верой и правдой. «Ну, сынок, сколь нигорюй, а ехать надо, пора тебя благословить, да и в путь-дорогу!». Сын говорит: «Благословите меня, родители, служить верой и правдой царю и отечеству». Его благословляет сначала отец, потом мать, потом крестные отец с матерью. Потом начинается прощание. Все плачут. Мать причитает»¹⁵ (Новгородская губерния, Белозерский уезд). Но в фольклоре, посвященном проводам новобранцев, особенно прежних лет, когда солдатская служба измерялась 25 годами или даже пожизненным сроком, конечно, звучали, и драматические, горестные ноты. Звучали слова «неволя», «чужбина» и т.д. Народ никогда не терял реализма в отношении жизненных перипетий на царской службе, но и не связывал эти тяготы солдатчины с самой властью или дурными качествами царя. Песня может соединять в себе и хвалу царю и печаль о тяжелой службе: «если Бог тебя помилует, Царь чином пожалует», — поется

в песне. Но есть и слова: «повезли моего дитятку, в чужую дальнюю сторонку, во большую во неволюшку, что во службу да во царскую»¹⁶.

В этом контексте описание царских встреч также не надо рассматривать как дежурный официоз, или же, как это представлял А.А. Блок — проявле-

¹⁰ Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 447.

¹¹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. / Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2011. Т. 5. Ч. 2. Вологодская губ. (Грязовецкий и Кадниковский уезды). С. 90.

¹² Там же. С. 282.

¹³ Там же. Калужская губерния. СПб, 2005. Т. 3. С. 577.

¹⁴ К прославлению Царя-мученика в России. Вып. 4. М., 1999. С. 68—73.

¹⁵ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. / Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2011. Т. 7. Ч. 1. С. 144, 253.

¹⁶ Там же. Костромская и Тверская губернии. Т.1. СПб., 2004. С. 31.

ние чувств «черни»: «Чернь петербургская глазела подобострастно на царя... И царь огромный, водянистый — с семейством едет со двора»¹⁷. Конечно, это высокомерные слова человека, оторвавшегося от народной гуши, потерявшего уже веру и потому не чувствующего то, что чувствовали многие другие в этот момент. В народном благоговении перед царем при таких встречах все же была не просто искренняя интонация, но и звучало некое торжество веры, особый праздник чувствовался во всем таком общем отношении к царю.

Встречи царя (Николая II) и народа проходили как в рамках государственных, так и церковных мероприятий. Те, кто составлял описания таких встреч, отмечали со стороны народа искренний их характер, что выражалось в воодушевлении, благоговении и переживании этих моментов как счастливейшего события в жизни.

Император Павел I участвует в крестном ходе с чудотворной иконой Божьей Матери Тихвинской. «Перенесение иконы Тихвинской Божьей Матери из церкви Рождества Богородицы в Успенский собор Тихвинского монастыря 9 июня 1798 года». Картина. В. Истомин. 1801 г.

Самое главное для народной (простонародной) монархической (национальной) идее, связанной с царем, было, на наш взгляд, ощущение (чувствование и знание) особого порядка власти. Царская власть, по мысли простого народа, создавала незыблемый политический порядок, незыблемые устои, которые и позволяли так твердо и непоколе-

бимо стоять огромному Российскому государству. Монархическая власть имела особую вертикаль, которая не была ограничена фигурой монарха, но двигаясь ввысь, доходила до Бога. Также и с ее перспективой вниз: она не упиралась в чиновничество и армию — основных исполнителей царской воли, но доходила до народа, приближаясь к самой почве, к земле и здесь и получала свое закрепление. Получалось, что сила этой власти находилась, по мысли простого народа, в Боге (и через Него в монархе) и в «народной почве», а все остальные были лишь участниками этого властного устройства. Вот почему, таким важным для народа был факт помазанности царя на царство, его приобщения к небесному началу, наделение его дарами Святого Духа. Незыблемость царской власти была самой главной характеристикой в понимании народом монархической идеи. Как Церковь имела обетова-

ние от Бога, что врата ада не одолеют ее, так и русский царь, как помазанник Бога, в лице Бога имел, по мысли народа, не только прообраз для себя, но и защитника своей персоны, а значит — защитника всей страны. Отсюда родились народные пословицы «сердце цареве в руке Божьей», «народ согрешит — царь умолит (Бога), царь согрешит — народ не умолит (Бога)». Поэтому когда страну в пореформенный период стали все более и более сотрясать социальные катаклизмы (террор, революционные брожения и т.д.), то, конечно, в народной среде это рассматривалось как попущение Божие за грехи той и другой стороны. Зашатались устои, трещины пошли по всему зданию российской государственности. Но грехи, по мысли народа, еще не требуют смены общего политического порядка (своего рода смерти человека, в случае его грехопадения). Представители

же революционной интеллигенции думали по-другому, они именно в царе и в монархии видели главную причину несовершенства жизни в России. Царь зачаровывал народ своею мощью, а народ подчинялся этим чарам, думал А.А. Блок¹⁸. Даже возникшие народные сомнения в связи с возрастающим хаосом внутривластной жизни, они свя-

¹⁷ Блок А.А. С. Возмездие. Поэма. // Блок А.А. Собрание сочинений в 8-ми томах. М.:Л., 1960. Т. 3. С. 329.

¹⁸ См. 2-я глава поэмы «Возмездие».

¹⁹ Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 1990. С. 18.

зывали с виной монарха, хотя этот хаос устраивали сами же революционные интеллигенты. Со слов Н.О. Лосского «не удивительно, что вера в царя, как источник правды и милости, постепенно стала исчезать даже у крестьян. “Цари сами”, говорит Короленко, “разрушили романтическую легенду самодержавия, созданную вековой работой народного воображения”»¹⁹. Со стороны революционной и либеральной интеллигенции народу постоянно внушалось, что в политической (а значит и экономической) нестабильности виноваты царь и монархическое правление, с их неповоротливой, косной и корыстной чиновничьей системой. Даже патриоты монархисты (и прежде всего славянофилы) во всем винили царское чиновничество, словно не понимая, что дело не в чиновничестве, а в противниках монархии, которые есть везде, в том числе в чиновничестве. Читая публицистику либеральной и революционной интеллигенции предвоенных десятилетий, понимаешь, что весь ее пафос состоит в искусственном эмоциональном возбуждении читателей, в передаче гневных эмоций (криков, возмущений, неприятия существующего положения вещей) и создании исключительно нервной атмосферы, как основы для политической нестабильности. Газеты были полны бесконечными криками и обличениями, разоблачениями и подозрениями. Такая крикливая, нервная обстановка создавалась не одно десятилетие, и как нам кажется, эффективнее оружия было трудно придумать против власти и народа, ценящих покой и стабильность. При этом такая стратегия была не какой-то истерией, неким коллективным выражением психического расстройства, а холодным и расчетливым методом борьбы с самодержавием.

Антимонархическая борьба со стороны революционной (радикальной и либеральной) интеллигенции носила многофакторный характер: против власти эта борьба носила крикливый и «громкий» характер (видимый и слышимый народом); против союзников власти — дворянства и вообще сословий, против духовенства, и наконец, против простого народа эта борьба была разной. Дворянство всеми возможными художественными и публицистическими средствами высмеивалось, презиравалось, обличалось как косная, порой невежественная, слепая сила, идущая на поводу служения монархии. Духовенство также подвергалось насмешкам и обличению, как якобы повсеместно малограмотная, но фанатичная и корыстная сила, по своей слабости и зависимости служащая монархии. Простой народ — «темный и забитый» властью, дворянством и духовенством, будто бы был не способен к самостоятельности и адекватному общественному поведению. Это вызывало со сто-

роны интеллигенции сожаление, снисхождение и желание исправить положение. Нередко «темнота и забитость народа» становилась предметом философских рассуждений и критики «характера народа», его привычек и поведения, которые уже невозможно исправить. Народолюбие все более приобретало абстрактный характер и связывалось с далеким грядущим временем. В настоящем же времени все было прозаично просто: действовал принцип «человек человеку волк». Так это понимал интеллигентный глашатай революции А.А. Блок, когда рисовал в поэме «Возмездие» образ нового человека, свободного от человеческих привязанностей. Но вину за расчеловечивание человека поэт вкладывал в «колдуна Победоносцева», который заглянув в глаза России, погрузил ее в «сон и мглу». Как потом дружно разнесся по всей стране этот клеветнический художественный образ К.П. Победоносцева в образе совы, укрывшей Россию от мира своими крылами и гипнотизирующий ее своим взглядом. И в этой атмосфере ненависти друг к другу, по мысли Блока, стала проходить жизнь русского человека, который все стал ненавидеть; себя, животных, других людей: «И встретившись лицом с прохожим, ему бы в рожу наплевал, когда б желание того же в его глазах не прочитал...». Блок рисует здесь, невольно, конечно, не образ простого человека, прохожего, а двух интеллигентов, которым нечего сказать друг другу (они наперед знают, о чем будет разговор!) и потому они готовы лишь плюнуть друг другу в лицо. В связи с такой формой отстраненности от интеллигенции от народа, не может не встать вопрос о богоборчестве интеллигенции, вставшей на путь борьбы с монархией, властью, традицией.

Убийство в душе царя, как «отца народа», подразумевало символический акт отцеубийства, поэтому антимонархизм интеллигенции нельзя не рассматривать как бунт против всех основ традиционного миробития (не только церковного, и этнического и исторического, культурного и социального). Сам Блок так и понимал революцию (см. его статью «Интеллигенция и революция, написанная в январе 1918 г.), как силу, все сметающую на своем пути и потому он — за разрушение всей культуры (всех храмов, монастырей, кремлей и т.д.), лишь бы звучала «музыка революции. Поэт понимал отцеубийство в его символической глубине, когда выводил образ своего героя в поэме «Возмездие» из области действия демонических сил: убийство Бога в душе и как следствие его — другое — демоническое — отцовство. Не случайно у героя было прозвище «Демон», он постоянно сравнивается с врубелевским поверженным Демоном, который находился в ожидании своего часа. А вот его характеристика:

«Его озлобленные руки, он ведал холод за спиной... и, может быть, в преданьях темных его *слепой* души (!), впотьмах — хранилась память глаз огромных и крыл, изломанных в горах... всю жизнь его — уже поэта (Блок говорит уже о себе. — О.К.) священная объемлет дрожь, бывает глух, и слеп, и нем он, в нем почивает некий бог, его опустошает Демон, над коим Врубель изнемог...» (поэма «Возмездие» гл. 3).

Но сам народ не спешил с выводами, *до самой революции* (да и после был осторожен в выводах), не решаясь вынести свой вердикт. Это народное молчание говорило скорее в пользу народного монархизма, чем в пользу его врагов, потому что народу важно было обстоятельно разобраться и объяснить себе самому: почему шатается государство Российское?, что происходит?, Божье ли это попущение?, Его воля или это человеческая злая воля, пользующаяся моментом? Было бы неправильным назвать это народное состояние нерешительностью, одобрением действий революционеров или же равнодушием. Напряженнейшее духовное состояние — молчание (не равнодушие) — не было также выжиданием «кто победит», чтобы примкнуть к нему (для народа такая позиция неприемлема), но оно, безусловно, сковывало внешнюю народную активность, не позволяло народу действовать едино на всем территориальном протяжении страны.

В этих условиях, в той части народа, которая отличалась образованностью, личной самостоятельностью, порой административной ответственностью на низших административных постах старост, старшин и др., начинает проявляться политическая активность, в пользу поддержки монархии, как ответ на конкретное обращение к ним «сверху». Эта политическая активность проявлялась в двух формах — партийной (чисто светской) и церковной (светско-религиозной). На рост политической активности отдельных лиц и сил в простонародной среде оказала революция 1905 г., докатившаяся до деревни, в которой в деревне приняли активное участие две группы сельского населения: самая бедная часть и самая богатая часть общинников, тесно связанная с ростовщичеством, получившая еще до 1917 г. название «кулаки-миroeды». Царь и правительство правильно поняли существующую проблему — освободить деревню (точнее общину) от экономически сверхактивной ее части, предоставив им возможности реализовывать свои амбиции

на выделенных и живущих отдельно от общины (но не порывающих с ней связей) отрубках и хуторах. Столыпинская аграрная реформа практически решила главнейшую для деревни проблему, грозящую ей социальным взрывом. Вместе с тем для определенной — образованной — части деревни эти события послужили поводом для включения их в поток политической активности. И хотя политически активной (немолчащей) оказалась лишь небольшая часть деревни, но и она была очень разной по вектору политической активности. Для одних крестьян этот вектор был направлен в столицу и упирался в думскую деятельность (т.е. строго централизован и привязан к законодательству). Для других крестьян он имел децентрализованный характер и сводился к защите на месте «порядка» и устоев, которые расшатывали революционеры. Именно из последнего (защиты порядка и устоев) выросли многочисленные сельские и провинциальные ответвления «Союза русского народа» — главной политической *внепартийной* силы, имевшей общественный характер и направленной на сохранение прежних устоев и на пресечение революционной деятельности. Организация возникла стихийно в годы революции 1905 г. Один из активных организаторов и участников этого движения епископ Антоний (Храповицкий), отвечая Н.А. Бердяеву, взволнованному такой народной активностью, писал: «Это есть первое и единственное пока во всей России чисто народное, мужицкое, демократическое учреждение...»²⁰. И далее замечает, что к этому народному монархическому движению присоединился народный пастырь о. Иоанн Кронштадтский, и он более чем уверен, что это движение бы поддержали и русские святые прежних веков: прп. Серафим Саровский, свт. Филипп, митрополит Московский, прп. Нил Сорский, патриарх Ермоген, Авраамий Палицын, Дионисий и т.д. «К концу 1907 г. Союз Русского Народа насчитывал около 400 местных отделений, половина которых приходилась на сельскую местность. Число членов Союза доходило до 400 тыс. человек, но это был только патриотический актив. Общее число русских людей, связанных с деятельностью Союза Русского Народа. Составляло не менее 2 млн. человек»²¹. Как показывают крестьянские биографии лиц, убитых революционерами в период с 1905 по 1913 г. и собранные в «Книге русской скорби», вышедшей до револю-

²⁰ Архиепископ Никон (Рклицкий). Антоний Храповицкий и его время. 1863—1936. Нижний Новгород, 2003. Т. 1. С. 517.

²¹ Платонов О.А. Предисловие к «Книге русской скорби». Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом М., 2013.

ции в 14-ти выпусках, главным для них был мотив защиты царя и государственных устоев. «Нужно самим взяться за дело и помогать царю», — говорил крестьянин Иван Андреевич Шило, житель с. Верхне-Белозерского Таврической губ. Он был убит дома, на глазах семьи, двумя революционерами за то, что организовывал сельчан на борьбу со смутой²². Важным для народа было широкое участие в этом политическом движении сельского духовенства²³, а также то, что его поддержали и сам царь Николай II, и самый известный тогда в России подвижник о. Иоанн Кронштадтский²⁴. В целом же, позиция духовенства, как и архиепископства и монашества по отношению к царю, в близкой степени отражала позицию народа, по-

Царская семья в Москве в дни празднования 300-летия Династии Романовых

скольку духовенство, в массе своей принадлежало к народу, к «молчащей» и «немолчащей» его части. Конечно, большинством, скорее всего, (как и у народа) было «молчащее» духовенство, т.е. не противники монархии и монарха, но и не участвующие в политической деятельности по поддержке монарха.

Энергичный отпор революционерам, данный не только на официальном уровне, но и на общественном, позволил погасить разгорающееся в 1905 г.

пламя революции, но саму проблему противостояния власти и революционно настроенной части общества, он не решил. Народ, в целом это чувствовал, поэтому «молчание» его продолжалось, в воздухе всеми ощущалось нарастание грозных событий, грозящих стране новой, еще более масштабной революцией. Сегодня для многих является загадкой: почему монархическое политическое, партийное движение, столь энергичное в годы первой революции и сразу после нее, снижается в предвоенные и военные годы (с 1913 по 1917 г.). Стихает активность дворянских съездов и уменьшается их роль в поддержке царя; «Союз русского народа» раздирают противоречия и споры (на уровне руководства и актива), да и в целом патриотические силы, ориентированные на защиту монархии и существующей власти, крайне разрозненны и ослаблены внутренними распрями, среди них верх начинают брать радикалы вроде Пуришкевича.

В то же время удивительным образом резко набирают реальный политический вес после убийства П.А. Столыпина, либеральные силы, недовольные монархией и монархом. Они не просто спланируются, они буквально становятся монолитом, при этом находясь в совершенно разных социальных и политических нишах: в среде высшего чиновничества и генералитета, в Думе, среди видных предпринимателей. В одну команду, как показывают документы, их сплотило участие в одних и тех же масонских ложах²⁵. Французский «Великий Восток» становится главным модератором проекта «Февральская революция». Именно эта структура выходит на первый план в последние два года, предшествующие революции. Либеральные интеллигенты, а не профессиональные революционеры, сумели, опираясь на этот механизм поддержки, легально разрубать, один за одним, все узлы монархического управления страной. Так были в значительной степени нейтрализованы — через полицию (которой с 1913 г. руководил В.Ф. Джунковский — представитель масон-

²² Книга русской скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом М., 2013. С. 34 — 37.

²³ Биографии наиболее известных священников опубликованы в книге «Русский патриотизм». Составители О.А. Платонов и А.Д. Степанов. М., 2003.

²⁴ Степанов А.Д. Союз русского народа // Русский патриотизм / Большая энциклопедия русского народа «Святая Русь». М., 2003. С. 750.

²⁵ Платонов О.А. Тайная история масонства. 1731—1996. С. 207—223.

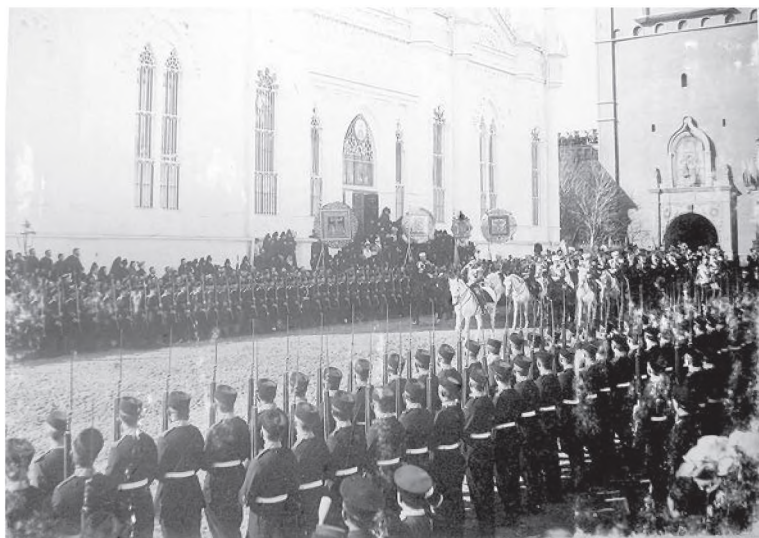

ской ложы Великий Восток²⁶) и революционную прессу — крупнейшая сословная — дворянская монархическая организация «Объединенное дворянство»²⁷ (важнейшая сословно-политическая сила, активно поддерживавшая монархию после 1905 г.), а также всесословная «Союз русского народа» и другие непартийные, но массовые общественно-политические организации. И наконец, в тех народных душах, которые «молчали», все время сеялось сомнение. Частная жизнь царской семьи стала не просто достоянием гласности, но — предметом постоянных публичных обсуждений, с обилием клеветы и слухов, распространявшихся врагами монархии через прессу и устно²⁸. На этот счет весьма обстоятельно писал дворцовый комендант В.Н. Воейков. Он замечает, что «летом 1915 г. стали выявляться симптомы массового гипноза, постепенно овладевшего людьми; из штабов фронта стали исходить слухи о том, что Императрица служит главной причиной всех наших неурядиц, что Ей, как урожденной Немецкой Принцессе, ближе интересы Германии, чем России, и что Она

искренне радуется всякому успеху германского оружия»²⁹. В.Н. Воейков отмечает особую негативную роль в распространении клеветы и слухов Государственной Думе и прессы³⁰. Даже монархическая среда не избежала недовольства императором Николаем II³¹. Здесь звучали (хотя и не открыто) те же обвинения и претензии к царю, что громогласно произносились революционерами на улицах³².

Подведем итог характеристике народных монархических сил, отвечающих за формирование и поддержку «национальной идеи». Они были разрозненны, но основная часть относилась к «молчащей», которая и не осуждала царя и монархию за нарастающую революционную смуту, но и не выступала активно в поддержку с помощью политических средств. Другая часть народных сил действовала активно, политически, через общественные промонархические движения, но и эта группа фактически была нейтрализована в военный период с 1914 по 1917 г. Еще более сложную картину, с точки зрения единства, представляли народно-интеллигентные промонархические силы (хотя и численно незначительные),

делившиеся на славянофилов и т.н. поздних славянофилов (хотя эта характеристика, очевидно, ошибочна). По оценке митрополита Антония (Храповицкого) эти две группы (а во вторую он включает Леонтьева, Каткова, Победоносцева, значительную часть членов «Русского Собрания» и руководителей «Союза Русского Народа») отличались принципиально. Славянофилам (куда кроме Киреевского, Хомякова, Аксаковых и др., он включает Достоевского и С.А. Рачинского), «дорого Православие, потому что оно — Божественная истина»; другой группе — потому что «оно (православие. — О.К.) составляет главный и весьма благородный устой русской гражданственности». Одних влечет святость, других — величие, могущество и национальная самобытность³³. Однако, при этом

Император Николай II торжественно въезжает в Кремль со стороны Спасских ворот. 1913 г.
Празднование 300-летия Династии Романовых

²⁶ Там же. С. 202.

²⁷ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1908. М., 2001. Т.1. С. 17.

²⁸ Капков С. Царский выбор. Духовный мир императора Николая II и его семьи. Последние священники при царе. Вольная жертва. Село Белянка; М., Ташкент; Вятка; Ливадия, 2016. С.

²⁹ Воейков В.Н. С Царем и без Царя. Воспоминания последнего Дворцового Коменданта Государя Императора Николая II В.Н. Воейкова. М., 1994. С. 87.

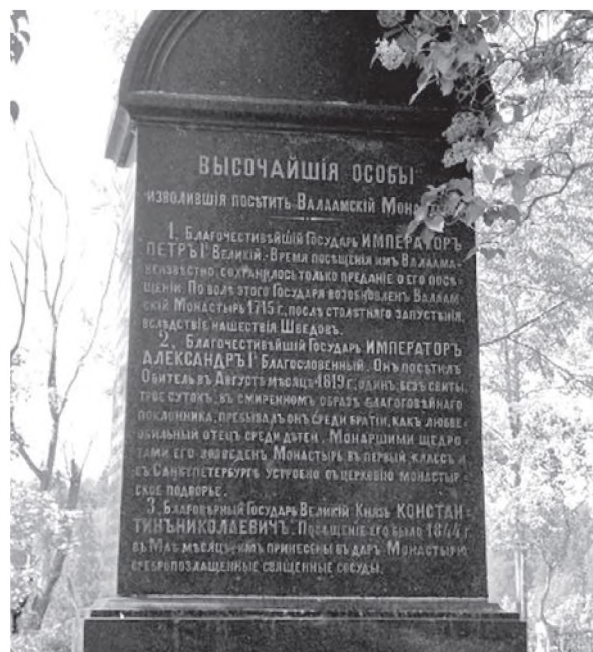
³⁰ Там же. С. 45.

³¹ Вот примеры из дневника Л. А. Тихомирова: «2 марта 1917 г. Я думаю, что было бы практичнее ввести Монархию ограниченную. Династия, видимо, сгнила до корня. Какое тут Самодержавие, если народу внушили отвращение к нему — действиями самого же Царя». — Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М., 2008. С. 351.

³² В результате Л.А. Тихомиров приветствует революцию и винит во всем жену императора. — Там же. С. 349.

митрополит Антоний все же выделяет К.Н. Леонтьева, как мыслителя идущего дальше других «абсолютистов» в признании за русской монархией только могущества. Но если мы обратимся к самому К.Н. Леонтьеву, то увидим, что ситуация с его пониманием монархизма была более сложной, чем ее описывает митрополит Антоний. Для этого мыслителя, измеряющего монархизм имперскими мерками, где первообраз — православная Византийская империя, ни М.Н. Катков и его направление, ни славянофилы в лице И.С. Аксакова, не отвечают заданному критерию. В них слишком велика доля либерализма. М.Н. Катков был близок, по К.Н. Леонтьеву, к «западному прогрессу и разжиженному англо-саксонству»³⁴, а И.С. Аксаков вместе с целой плеядой славянофилов его времени — «европейскому умеренному либерализму», скрывающемуся «за парчовыми кафтанами величавых “вещаний”»³⁵. О монархизме последнего (и последних) Леонтьев вынес впечатление из отношения И.С. Аксакова к сословному вопросу. Аксаков был за разрушение сословных — «юридических перегородок» во имя свободной, творческой личности. Когда в беседе с ним Леонтьев стал возражать и говорить о «государственной необходимости», ради которой и нужны сословия, Аксаков выразился резко, но определенно: «Чорт возьми это государство, если оно стесняет и мучает своих граждан! Пусть оно гибнет!»³⁶ Леонтьев отдает должное теоретической позиции славянофилов, которые «всегда стояли горой за Самодержавие», но они ошибались и ошибаются в том, что оно само простоит без помощи ему. Оно хочет сохранить и укрепить сословный строй, а славянофилы против этого, значит они на практике — против самодержавия, значит они, косвенно выступают за общереволюционное движение. Они, конечно, пока не отдают себе в этом отчета, но они находятся в плену своего учения, следуя его логике, а не жизненной практике. Леонтьев восклицает: «Что за неумение узнавать *свой собственный идеал в иных и неожиданных формах*; не в тех, в которых приучила их заблаговременная теория!»³⁷.

Монархизм русской православно-консервативной интеллигенции (как славянофильской, так и западной) оказывается, по мысли К.Н. Леонтьева, оторванным от подлинных задач по защите монархии и монарха в России, поскольку в основе

Памятная стела на территории
Валаамского монастыря о посещении его
Российскими императорами

того и другого варианта лежит западно-либеральный подход. Суть этого подхода состоит в отрыве от народа, действия, хотя и во имя народа, и даже от лица народа, но, сути, — корыстно, во имя своих узко партийных и идейных целей. Если же продолжает развивать далее мысль об оторванности консервативной интеллигенции от народа, то совершенно ясно, что их ставка в годы революции 1905 г. на узкий народный слой политически активных сторонников монархии, без обращения к «молчащему» большинству, и привела к оторванности от большинства, которое так и не получило необходимой помощи и поддержки. Произносились правильные слова: «В России государственную партию составляет весь русский народ»³⁸, — но они не выполнялись, не включались в программу практического выполнения. Замечательный ученый, мыслитель и активный гражданин Д.И. Менделеев также входил в число консервативной части русской интеллигенции, в

³³ Архиепископ Никон (Рклицкий). Указ. соч. С. 514—515.

³⁴ Леонтьев К.Н. Воспоминания, очерки, автобиографические произведения 1869—1891 годов // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. СПб., 2003. Т. 6. Кн. 1. С. 92.

³⁵ Там же. С. 97—98, 106.

³⁶ Там же. С. 115.

³⁷ Леонтьев К.Н. Славянофильство теории и славянофильство жизни // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. СПб., 2003. Т. 8. Кн. 1. С. 471.

³⁸ Катков М.Н. На Руси не может быть иных партий. Кроме той, которая заодно с русским народом // Катков М.Н. Имперское слово М., 2002. С. 380.

1905—1907 гг. был в числе первых вступивших в «Союз русского народа», чтобы поддержать монархию и право России на самобытный путь. Но при этом его понимание монархизма не совпадало с официальным его толкованием. Это был такой же *личный* (а не народный) *монархизм*, как и у М.Н. Каткова, в котором царю было отказано в праве организатором народного просвещения, к чему и была направлена вся активность монархической идеологии, начиная с Николая I. Свою позицию Д.И. Менделеев на этот счет подробно изложил в предреволюционной работе «Заветные мысли», написанной в 1903—1905 гг.³⁹

Литургия, совершаемая в Париже в марте 1814 г. на месте казни семьи Людовика XVI. Инициатор праздничного, поминального и покаянного Богослужения – император Александр I, молившийся здесь же.

2. Монархическая идеология государственной власти в имперский период

Рассмотрев особенности существования народной «национальной идеи» в имперский период России, обратимся далее к той стороне, которую выше

мы обозначили, как «монархическая идеология» и за которую отвечал уже не народ, а государство в лице монарха и его помощников. Подобная идеология смогла сложиться только после Отечественной войны 1812 г., как результат весьма важных перемен, принесенных этим великим событием⁴⁰. Данная война, хотя и не может считаться мировой, но по своим масштабам, напряженности сил и задействованности участников, она, несомненно, была прелюдией Первой мировой войны. Ее название «Отечественная» отражает народный характер войны для России, что и заставило дворянское общество, далеко оторвавшееся от народа за XVIII столетие, оглянуться, заметить и самое главное принять народную помощь как бесценный факт, потрясший сознание высшего общества. Это открытие коснулось всех дворянских групп; и наиболее близких к народу и наиболее отдалившихся от него; первых сделав народолюбцами — славянофилами, вторых — революционерами, борцами за новую Россию, сначала декабристами — оторвав от узости масонских заговоров и двинув на революционное, публичное выступление, а позже превратило их в западническую партию, полемизирующую со славянофильством. Но в данном случае нам более важно другое: народ был замечен (как народ) и на самом верху, отчего *императорская* власть, начиная с Александра I, постепенно начинает становиться *царской* властью, меняя свои взаимоотношения с народом с западно-абсолютистских на русско-монархические. Вот почему в эту эпоху не могла не родиться и государственная монархическая идеология, ориентированная не абстрактное гражданское общество, а на народ, в религиозном и этническом его смысле.

Появление государственной идеологии «Православие, самодержавие, народность» стало закономерным этапом эволюции Российской монархии, движущейся в сторону укрепления всех связей — горизонтальных и вертикальных в стране. После того как зашаталась вертикаль власти под напором дворянских революционных сил (декабристов), возвращение к традиции через «горизонталь» связей монарха и народа (земли) особенно стало актуальным для императора Николая I. Декабристское восстание было направлено, в отличие от прежних

³⁹ Менделеев Д.И. Заветные мысли. М., 1995. С. 340—341; 382—383.

⁴⁰ Хотя уже в самом начале XIX в. в период раннего правления императора Александра I, как следствие продолжения новой политики по отношению к народу, зародившейся при Павле I, возникает важное понимание двух вещей: 1) что просвещение народа надо вести через систему образования; 2) за основу должен быть взят западный (французский) опыт работы с понятиями «Просвещение», «народное благо», «права человека и гражданина». На этой почве и создается 8 сентября 1802 г. искомое министерство с говорящим названием министерство народного просвещения с графом П.В. Завадовским во главе. — Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования / Зарождение системы университетского образования в России. М., 1998. Кн. 1. С. 198.

Граф Сергей Семенович Уваров

дворцовых переворотов, уже не на замену одного монарха другим, а на умаление самой монархической власти. И императору оставалось или смириться и модернизировать всю созданную за XVIII век вертикаль, отказавшись от части монарших властных полномочий, или же двигаться в сторону актуализации и наращивания горизонтальных связей. Выбрав второй путь (еще и потому, что простой народ показал свое «лицо» в Отечественную войну, — свою возможность быть субъектом отношений), Николай I и выдвигает вскоре монархическую идеологию, как широкую государственную программу, ориентированную на народ.

Царю несложно было найти союзников — ревнивых и добросовестных исполнителей его воли, поскольку в целом что-то серьезно поменялось в государстве в этот период. Осенью 1826 г. А.С. Пушкин составляет для императора специальную «Записку о народном воспитании», в которой мы находим отзвуки будущей триады графа С.С. Уварова. Здесь и слова о необходимости создания собственной идеологии («влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего Отечества»); и необходимость «защитить новое поколение» от тлетворного влияния «заговорщиков», принесших в Россию чужие мысли из-за границы; и опора на «просвещение»

народа, которое «одно в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия. Ни домашнее, ни частное воспитание в современных условиях жизни, считает Пушкин, не способны решить проблему нравственного воспитания юношества, только общественное воспитание может стать необходимым и надежным фундаментом для благих целей. Тщательное, вдумчивое изучение русской истории «должна будет преимущественно занять ... умы молодых дворян, готовящихся служить Отчеству верою и правдою, имея целию искренне и усердно соединиться с Правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве»⁴¹.

Заграничные поездки приносили молодым русским дворянам не только знакомства с революционными идеями, но и открывали мир западного народолюбия (немецкого и французского романтизма), выраженного в научной и философской форме. Уехавший в Германию в начале 1830-х годов с учебной целью И.В. Киреевский, по возвращении домой, из западника превращается в славянофила. Подобный же путь прошел и основоположник монархической идеологии граф С.С. Уваров, вернувшийся в Россию из учебной поездки во Францию⁴². Любовь к своему народу, к своей исконной традиции можно стало возможным оформить в виде или философского учения (что сделали славянофилы) или государственной идеологии (что удалось сделать графу Уварову) и включить эту данность в общественный и государственный контекст бытия народа. Граф Уваров был уникальной для своего времени фигурой! Не случайно его появление на официальном поприще вызвало неподдельное восхищение (как русским ученым и организатором науки) М.М. Сперанского, отметившего в качестве образца «новых» для России людей — Н.М. Карамзина и С.С. Уварова. То, что именно граф Уваров был автором новой идеологии, подтверждается многими фактами; во-первых, это следует из тех официальных бумаг, которые представлялись графом императору⁴³; во-вторых, граф Уваров посчитал важным для себя поместить слова «Православие. Самодержавие. Народность» в качестве девиза в свой родовой герб, сразу после принятия графского титула.

Важным в государственной идеологии, впервые в России, оформленной в виде долгосрочной про-

⁴¹ Пушкин А.С. О народном воспитании // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений А.С. Пушкина. М., 1949. С. 43—47.

⁴² Полунина Н. Уваров Сергей Семенович // Русский патриотизм / Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. М., 2003. Составители О.А. Платонов, А.Д. Степанов. С. 812.

⁴³ Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I // Река времен. Альманах. Кн. 1. М., 1995. Публикация М.М. Шевченко.

граммы, ориентированной на весь народа, была ее искренняя поддержка императором и целого круга его единомышленников. Выше мы уже упоминали о наличии светскости, как новой, важной составляющей в духовном облике Российского императора. В данном случае, монархическая идеология выдвигается именно от светской части ипостаси императора по отношению к светскости части у народа. Вот почему главной и единственной формой реализации этого проекта становится сфера образования. Граф С.С. Уваров назначается министром народного просвещения (1834—1849) вскоре после предъявления императору в 1832 г. указанной программы⁴⁴. Как показывают события, предшествующие уваровскому руководству министерством (еще до министра А.С. Шишкова), когда существовало объединенное министерство исповедания и народного просвещения, возглавляемое кн. Голицыным, в этот период начала складываться не светская государственная идеология, но имеющая псевдорелигиозный характер, корнями уходящая в немецкий пиетизм⁴⁵. Следствием ее была попытка разрушить складывающуюся с начала века общероссийскую систему университетского образования⁴⁶. И как ни странно, но ее отстаивали те, кого в либеральной научной среде было принято называть «церковниками, мракобесами и ретроградами»: А.А. Аракчеев, адмирал А.С. Шишков, митрополит Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спасский), митрополит, А.А. Орлова-Чесменская которые сумели донести до императора Николая I, пагубность деятельности голицынского министерства⁴⁷. В докладе императору 1843 г. граф Уваров отмечает, что монархизм, провозглашенный в «тройной формуле» — это «антилиберализм», а православие — антимистицизм⁴⁸.

Создание светской системы высшего университетского образования, под опекой императора, стало необходимым фундаментом для новой официальной идеологии. Граф Уваров, как и император Николай I, вообще ключевые фигуры для науки и образования в России! До тех пор пока не сложилась уваровская триада, как государственная идеология, отвечающая традициям и чаяниям всего народа, правительство не могло фундаментально на общероссийском уровне решить проблему науки и образования. С начала 1800-х и до 1830 г. на этом пути (хотя уже Александром I с самого нача-

ла его правления эта задача ставилась) пришлось преодолеть множество трудностей, и пройти через множество ошибок. Перечислим самые главные из них. 1) Трудность понимания того, что домашняя система образования является лишь временным явлением, от которой необходимо избавляться, т.к. она не дает ни качества, ни единообразия в обучении, ни возможности подключить к обучению самые широкие силы. 2) Было непонятно каким должно быть образование светским или религиозным, и на какую европейскую традицию следует ориентироваться. Так были предложения от иезуитов и в целом — католиков; были предложения от немецких протестантов. 3) Одной из самых серьезных трудностей было преодоление желания включить в русскую университетскую систему, западные университеты, как предлагал императору Александру I иезуит Жозеф де Местр. В этом случае, ни о каком собственном опыте и традиции нельзя было, потом, говорить. 4) Существовало намерение превратить все университеты в аристократические или же узкоспециализированные лицеи, готовящие кадры для государственной службы. Весь этот отрицательный опыт и пришлось учитывать графу Уварову. И он сумел понять, что причина неуспеха в создании университетской системы, была не в плохой организации и отсутствии профессионалов, а в ориентации на чужие традиции, чужую систему ценностей. Поэтому, идеология «Православие, самодержавие, народность» стала необходимой «нулевой точкой», от которой и можно было двигаться дальше.

Из содержания этой концепции совершенно ясно, что речь шла о *светском* (а не религиозно-церковном) понимании всех трех элементов триады. Самодержавие означало централизацию системы образования и науки, монархический патернализм, особое (монархическое) государственное решение проблем, связанных с наукой и образованием. Монарх предлагал студентам быть *вторым отцом* во время их учебы: создать все условия для получения глубоких знаний; строго смотреть, чтобы дети учились, а не увлекались праздностью или ложными вещами; наконец, он хотел, чтобы студенты и ученые понимали, что монарх — это просто глава государства, распорядитель его богатств, но и помазанник Божий и в этом контексте его патерна-

⁴⁴ Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843. СПб., 1843. С. 2—4.

⁴⁵ Акулишин П.В. Граф С.С. Уваров и его роль в жизни российского общества // Педагогика. 1993. № 4. С. 95.

⁴⁶ Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. С. 546.

⁴⁷ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. Редактор-составитель митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). С. 103—104.

⁴⁸ Хартамович М. Ф. Николай I и граф С.С. Уваров реформаторы Академии наук // Вестник РАН. 1995. № 12. С. 1119.

лизм был с особой ответственностью монарха за своих «детей». Православие, в светском его понимании, также не предусматривало подчинение церковности, а скорее подчинение тем правилам, обычаям и традициям, которые появились в русском обществе и культуре на основе православия. То есть православие не как религия и церковь, а как цивилизация или культурная (в широком смысле) среда. Народность же в светском понимании означала выход за пределы любой элитарности: сословной, образовательно-культурной, и даже ранговой (чиновничьей). Это было, опять же не церковно-религиозное понимание народа и народности («народ Божий», «православные»), а светское, практическое, как сообщество гражданских поданных царя, объединенных в народное целое вокруг царя. Так понимают сегодня уваровский подход и новейшие исследователи⁴⁹.

Конечно, автору официальной идеологии еще в XIX в. как никому другому из числа великих государственных деятелей XIX в. много доставалось критических и ругательных слов от лица либеральной и революционной интеллигенции. Но, время показало, что эти обвинения не имели никакого отношения к сути дела, к университетскому образованию. То, что называли «насаждением тьмы и невежества», «официальной народностью», было на самом деле «прогрессивным ответом» императора на обращение народа. И такую точку зрения мы можем встретить сегодня, в постсоветской России. Эти три принципа, по мысли П.В. Акульшина, «стали общепринятыми и общезначимыми для подавляющей части российской общественности. С.С. Уваров сумел выразить настроение и идеи, которые были господствующими среди его современников, и в которых отражалось формирующееся самосознание российской государственности»⁵⁰. По мысли этого автора, с которыми нельзя не согласиться, все главные обвинения против графа Уварова, безосновательны. Его порицали: «урезал права университетов», «придал образованию сословный характер, насильно насаждал классическое образование», «поставил под государственный контроль “домашние университеты”». «Но все, эти меры, — замечает автор, — не препятствовали, а наоборот способствовали прогрессу в сфере просвещения». На фундаменте, созданном

графом Уваровым, произошел подлинный расцвет русской науки во второй половине XIX в., когда на научное поприще вступило огромное число студентов, окончивших «уваровские университеты».

Но для нашей темы, еще важно, что создание фундаментальной императорской системы высшего образования в России, стало возможным именно на базе традиции и разумного новаторства, не зачеркивающего традицию, но учитывающего все три важнейших константы российского цивилизационного бытия: православие, самодержавие, народность. Для императора Николая I и для графа Уварова эти понятия не были плеткой, которой подстегивалось общество, не желающее идти вперед (как это представляли революционеры); не было жупелом, идеологической пустышкой, нужной лишь авторам этой концепции, — но были тем языком, которым был понятен и привычен большинству в стране. По всем меркам: человеческим (нравственным), религиозным, социальным — все в реализации этой концепции было направлено не только на благие научные, образовательные и культурные цели, но и на укрепление стабильности. Но и на укрепление стабильности в стране, поскольку император и государство взяли на себя бремя поддержки высшего образования, рассчитывая на обычную человеческую благодарность тех, кто его получал, рассчитывая на гражданское понимание — использование этих знаний не только для личных целей. Однако, события в образовательной среде развивались не так как хотела власть. Студенчество и немалая часть научных работников (профессуры) под воздействием революционной пропаганды⁵¹, не желали видеть в царе благодетеля, и тем более «второго отца», не желали понимать, что учатся на государственные деньги. Более того, именно студенческая молодежь стала самой радикальной частью сторонников революции. Это осознавалось повсеместно. «Русский царь служит целью преступных покушений со стороны молодежи, обучающейся в казенных учебных заведениях», — писал 21 апреля 1887 г. Д. Щеглов обер-прокурору К. П. Победоносцеву⁵². Из Пензы к Победоносцеву 14 марта 1881 г. приходит письмо от секретаря съезда мировых судей Н. Петерсона. Последний пишет: «Злодеяние 1-го марта, как и все предшествующие ему, есть дело нашей интеллигенции вообще и нашей учащейся

⁴⁹ Хартанович М.Ф. Указ соч. С. 1117—1124; Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 234.

⁵⁰ Акульшин П.В. Указ соч. С. 95.

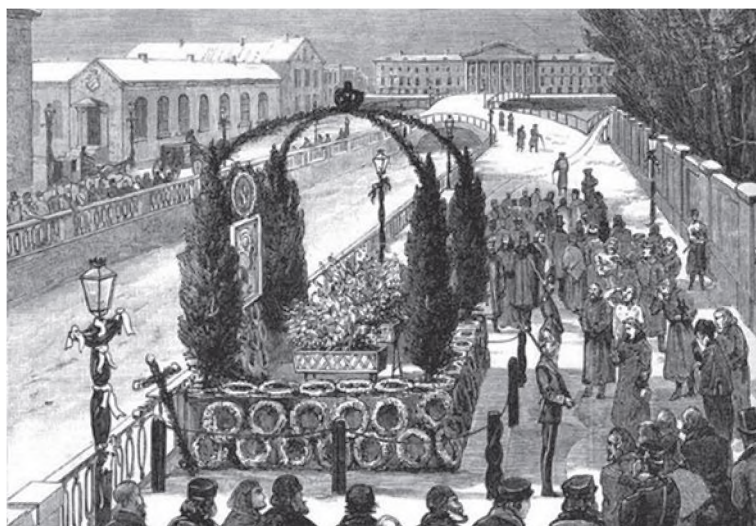
⁵¹ Именно революционные группы и партии определяли цели и задачи студенческой борьбы и рассматривали ее «как средство воспитания молодого поколения в революционном духе». — Шетинина Г.И. Университеты и общественное движение в России в пореформенный период // Исторические записки. Т. 84. М., 1969. С. 169.

⁵² Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. В 2-х томах. Мн.: Харвест, 2003. Т. II. С. 323.

молодежи в особенности»⁵³. Никаких серьезных претензий к царю у студенчества не было (самое серьезное сводилось к «расширению студенческих прав», к большей автономности университетов), поэтому любая мелочь, провокация, надуманные слухи сразу превращались в повод для неповиновения, бунта и даже насилия⁵⁴.

С этим багажом Россия и двигалась к революции, хотя правительство и царь в стратегии своих действий (а это создание системы образования, отвечающей государственным задачам) не давали для этого почти никакого повода. Как нам кажется, это революционное зло все время копилось в той области, которая относилась к нравственной стороне дела, и название этому злу — неблагодарность и несправедливость. В ответ на искреннюю позицию и деятельность царя быть «отцом» для студенчества, оно под воздействием революционной пропаганды, выступало против царя и монархической власти; получало образование и тут же клеймило того, кто обеспечивал получение этого образования.. Это был бунт против отцовства как такового, поэтому не случайно тема «отцов и детей» становится актуальной в пореформенный период; рушатся самые святыне устои, потому что вслед за бунтом против царя, наступал бунт против собственных родителей и семьи как таковой. В народе эти действия называли *святотатством*. Вот, что писал по этому поводу Ставропольский священник Щукин в епархиальных ведомостях за 1913 г.: русские люди духовно обкрадывались духовными святотатцами. Разграблены заветные уголки нашего природного патриотизма и национализма. В душах очень многих русских людей святотатцы повергли в прах их природную преданность своему Царю, похитили чистосердечную любовь к родине... Русский человек перестал, как должно, чтить своего Царя, любить свою Родину, русский стал уже стыдиться быть русским, начал отрекаться от своего родного, ради чужого, инородного! Загляните в любое сословие, в любой класс общества, везде недочеты и явные следы святотатственного разграбления! Куда, например, делась исконная

Временный памятник на Екатерининском канале вскоре после убийства здесь императора Александра II

скромность нашего простого народа?!»⁵⁵ Революция 1917 г. была лишь подведением этих многолетних итогов, юридическим оформлением сложившегося положения в стране. Ее фундаментом стало святотатство, братоубийство и насилие. На этом фундаменте и выросло советское государство. Поэтому советские мечты о прекрасном, свободной и счастливой жизни «для всех», были лишь мечтой, психологическим состоянием, самообманом, потому что жизнь определялась не мечтой, а той реальностью, теми семенами, которые попали в почву и которые стремились прорасти и отчасти проросли.

Простые люди, конечно, как могли откликались на святотатства. Вот, например, характерный отклик крестьян Тверской губ. (Моршанского у. Островской вол., Хлыстовского сельского общества) на убийство Александра II. Крестьяне на сходке вынесли постановление: *«Первого марта в день мученической кончины нашего благодетеля царя освободителя Александра Николаевича до конца жизни поститься, как в Рождественский сочельник ничего не есть до звезды, что каждому из нас на смертном одре завещать и детям нашим, дабы из рода в род чтили память царя-великомученика, а чтобы дети наши могли служить верой и правдой новому государю нашему Александру Александровичу и не были бы такими темными, как*

⁵³ Там же. Т. 1. С. 289.

⁵⁴ Щетинина Г.И. Указ.соч. С. 170—171.

⁵⁵ Священник Щукин. Нынешнее святотатство // Ставропольские епархиальные ведомости. 1913. № 36. С. 1156.

мы, обязуемся всех детей наших посылать в школу, блюсти, чтобы они боялись Бога и почитали батюшку царя, и настоящий приговор представить начальству, а копию с него представить священнику, прося его хранить оную в церкви...»⁵⁶. Обращение крестьян дошло и до Победоносцева и до нового государя. Игуменья Мария из Костромского Брусненского монастыря в письме к обер-прокурору задает несколько важных для вопросов в связи с предстоящей коронацией Александра III. Она ясно осознает живую связь царя и народа: «Священно-внушительные слова православного самодержца ко всему народу сказались внятно и мощно в глубинах народного духа, проникли в его тайники и возбудили в нем, так сказать жажду к молитве, к которой царь возжелал соединиться перед Господом со своими поданными». Игуменья спрашивает: «И вот с подобной просьбой («как лучше испрашивать от Господа царю даров») приходят многие из народа к нам, как живущим при деле молитвы: «научите нас, как и какой именно молитвой молиться нам теперь о нашем батюшке государе, призывающем нас к молитве». Игуменья просит обер-прокурора не пренебрегать искренней народной просьбой «в настоящее время духовно-нравственного разложения»⁵⁷. Кроме того, были еще многочисленные обращения крестьян о строительстве храмов и часовен в память убиенного государя; чтобы церковно почитать его память, устраивались богадельни, приюты, трудовые дома.

Стремление народа видеть в родной (этнической, государственной и церковной) иерархии не абстрактные отношения «властвующего и подчиненного», а «отца и детей» вообще черта весьма характерная для него. Эти отношения народ старается выстроить везде, на всех ступенях иерархии. Даже в военной сфере, в старой русской армии, правилом являлось понимание, что командир — это всегда отец солдатам⁵⁸. Такие же отношения складывались в сельской среде, где добрый помещик обязательно старался быть «отцом» для крестьян⁵⁹. «Отцовством» крестьяне обозначали высшую степень привязанности к той или иной иерархии и это воочеловечивание ее было важно для обеих сторон. Вот, например, отрывок из письма (со всеми его стилистическими особенностями)

крестьянина Никифора Осипова к знаменитому педагогу С.А. Рачинскому, у которого учился его сын: «Заочная моя к тебе почтения. И как у меня сердце играетоб тебе когда ли стану пред Богом на молитву, то готов сам себя отдать Богу за тебя. Сергей Александрович. Еще я тебя прошу, если здоровы наши дети то заставляй их почитать молитвы на сон грядущий и по утрам молитвы и акафисты или канон Ангелу и поучевыйте пению церковному. Ты нам будешь отец, а мы дети твои»⁶⁰. Отцовско-сыновние отношения народа с царем («царь-батюшка»), в этой связи не были чем-то искусственным, но наоборот подчеркивали, что царь включен простым народом в самую сердцевину его социальных отношений и связей.

Как было уже отмечено, монархическая идеология выстраивалась властью не просто как пропаганда монархических идей, а как живая реальность монархизма, явленная через созидание светской системы образования. Но кроме университетской — высшей — ее части, создавались и другие — средняя (гимназии) и низшая (народные школы и училища). Они тоже прошли, как и университеты, свой нелегкий путь проб и ошибок и тоже практическая их история начинается еще с начала царствования Александра I. Хотя, справедливости ради следует считать, что в целом вся эта новая образовательная светская система начала формироваться вместе с петровскими преобразованиями и была частью его грандиозных реформ⁶¹. Но, поскольку, речь идет о формировании законченной концепции государственной идеологии, то будет правильным определять исходное время рубежом начала XIX в. (как первого целеполагания) и соответственно 1830-х годов, как оформление идеологии. Народная школа с самого начала была включена в этот процесс, но именно народная школа оказалась самым сложным участком этих реформ. Поначалу — в 1803 г. (указ «о введении наук в России») и в 1836 г. (указ об открытии народных школ при церквях) — правительство исходило из факта готовности сил, необходимых для преподавания в народных школах. Но оказалось, что мало подготовить учителя для начальной сельской школы; важно было, чтобы он а) пришелся по душе народу; б) был ему полезен, развивал

⁵⁶ Там же. С. 204—205.

⁵⁷ Там же. С. 367—368.

⁵⁸ Кириченко О.В. О дворянском благочестии. XVIII век. М., 2002. С. 39.

⁵⁹ Там же. С. 45.

⁶⁰ Рукописный текст из архива РГАЛИ приводится по книге: Рачинский С.А. «Из дорогого сокровища сердца своего...» Статьи и письма. Составитель И.В. Власова. Нижний Новгород, 2013. Цветная вкладка.

⁶¹ Рождественский С.В. Эпоха преобразований Петра Великого и русская школа нового времени СПб., 1903. С. 2—3.

его и воспитывал в традиционном духе. Во главу образовательного и воспитательного процесса в народной школе было поставлено духовенство, которое с «сочувствием откликнулось на призыв и стало заводить приходские школы на свой собственный счет»⁶². Это обстоятельство заставило государственную власть попутно решать вопрос еще и о жизнеобеспечении духовного сословия. Но проблема с народной школой на этом этапе не была решена по нескольким причинам. Сил у духовенства, как и материальных возможностей, у духовенства было явно недостаточно. Его положение было очень неравномерным в разных регионах Российской империи, ведь оно зависело в значительной степени от прихожан (нередко очень бедных) и от необходимости самим священникам трудиться на земле, чтобы выращивать урожай и кормить семью. Инициатива духовенства не всегда поддерживалась на землях помещиков (где и крестьянство было победнее)⁶³. Тем не менее, численность приходских школ увеличивалась и особенно этот процесс был бурным накануне и сразу после отмены крепостного права. Только с 1859 по 1865 г. было открыто 21 400 новых приходских школ⁶⁴. Но тогда уже в эту деятельность стали постепенно включаться женские общины и монастыри, создавая большей частью школы девочек⁶⁵.

В пореформенный период народная школа обратила на себя внимание земства, сюда потекли средства, появились светские педагоги, на глазах стала меняться содержательная сторона образования и воспитания. Но земская школа сразу же поставила себя в особое положение, как школа не просто светская, но даже дистанцирующаяся от церковных и религиозных начал. Преподавателями в этих школах стали те самые «бывшие студенты», которые получили революционную прививку в университетах и гимназиях — атеистическое и вульгарно-материалистическое мировоззрение и знания и готовы были служить ему. Эти люди рассматривали свою педагогическую деятельность кроме образовательной части, еще как «просвещение» новым мировоззрением крестьянских детей. И хотя, как показала история, крестьяне их не приняли и изгнали из своей среды, как «смутьянов», но в целом их деятельность также внесла свою лепту в «молчание» народа, так как на все заданные вопросы и озвученные оценки

следовало дать не только отрицательный ответ, но сказать; почему и откуда появились в монархическом государстве эти люди. Разворачивался конфликт между земской и старой народной школой, которая сложилась в дореформенный период и не могла уже соперничать с земской школой по ряду формальных положений.

Этим назревшим конфликтом и объясняется появлением такого феномена как «школа С.А. Рачинского» — народная школа нового типа, где соединилось прежнее, от народной школы — тесная связь со священником и церковью с новым — возможностью давать детям знания, которые им необходимы для дальнейшего обучения в средней и высшей школе. Эта школа выросла не только как «детище Рачинского», но именно как увиденное властью и поддержанное на самом раннем этапе ее существования, что и дало возможность ей вырасти до размеров общероссийского явления. С.А. Рачинский находился в тесном контакте с обер-прокурором К. П. Победоносцевым, посвящая его в свои планы и рассказывая о результатах педагогических трудов в своем имении Татево и в округе. Через Победоносцева эта информация доходила до цесаревича Александра (будущего Александра III), причем не в официальной, отчетной форме, а именно как образец «размышлений с мест» человека неравнодушного к проблеме просвещения крестьян. Тот благодарил за эти известия⁶⁶. Интересно отметить такой необычный факт: обер-прокурор адресуется к только что восшедшему на престол Александру III, со словами утешения и предлагает прочесть письма Рачинского, как средство успокоения, как пример людей, «работающих в темных углах, с бодростью духа и с верою в успех...». Царь сердечно благодарит адресата. Не раз, потом, К.П. Победоносцев обращался к императорам Александру III, а потом Николаю II с теми или иными вопросами, касающимися этой школы⁶⁷. Речь шла именно как о государственно важном направлении, которое нуждается в «отеческой» поддержке.

В позиции С.А. Рачинского были ярко обозначены и православие, и народность, как две важные составляющие государственной триады, но монархизм не был выражен так же выпукло. Из некоторых свидетельств может создаться впечатление, что Рачинский был чуть ли не оппозиционером существующему строю: ушел из

⁶² Знаменский П.В. История Русской Церкви. М., 1996. С. 428.

⁶³ Там же. С. 429.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Кириченко О.В. Женское православное подвижничество в России. XIX—середина XX в. Алексиевская пустынь, 2010. С. 229—241.

⁶⁶ Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. В 2-х томах. Мн.: Харвест, 2003. Т. 1. С. 60—61.

⁶⁷ Ушакова И.В. Народная школа Рачинского. Письма из усадьбы. М., 2016. С. 114—115.

университета в знак протеста против нарушения автономных прав вуза и не пожелал туда вернуться, когда царь пошел навстречу уволенным профессорам; также утверждал, что новая школа утверждается «безграмотным народом», а «не мерами правительства»⁶⁸. Однако это не так. Само по себе теснейшее профессиональное общение с К.П. Победоносцевым (и конечно, согласие на то, что с его письмами будет ознакомлен царь) и поддержка его, более всего указывали на монархизм Рачинского. Сергей Александрович не раз получал денежное вспоможение от царя и не отвергал этой помощи. Его монархизм был похож, скорее, на народный, чем на монархизм консервативной интеллигенции. Он был практичным, живым. Искренним выглядит его порыв в стихах, посвященных Е.Н. Карамзиной:

За то, Господь, благодарю,
Что я родился православным.
Что под царем самодержавным,
Родился, жила и умру.

Государство рассматривалось Рачинским не в оппозиции личности (ее враг, антипод), а в сотрудничестве с обществом, где Церковь и семья — наиглавнейшие части общества. Рачинский — за активность общества, духовную, гражданскую и проч. Потому что если общество не будет активным, то «государство вынуждено делать по этой части, что может»⁶⁹. Те задачи, которые ставились педагогом-новатором перед народной школой, не могли бы быть решены какими-то ограниченными средствами в рамках отдельного региона. Речь шла о подготовке новой генерации педагогов — кадров не только для сельской школы, но и для духовенства, потому что именно духовно просвещенное, монархическое духовенство одно только и сможет поддерживать новую — церковно-приходскую — школу на местах. Рачинский с болью говорил о распространении пьянства среди сельского духовенства, порока мешающего не только достойному выполнению пастырями своих прямых обязанностей, но и не могущего по этой же причине заботиться о школьном образовании. Даже если правительства выделит средства, и школы появятся, они не смогут выполнять свое предназначение. Тем более, что церковно-приходские школы — это явление чисто народное, идущее снизу и если

ему найти поддержку в лице соответствующего духовенства, то успех будет обеспечен. Вот почему, по мысли Рачинского, создание народных школ требует многоступенчатой деятельности.

Для многих было ясно, что «народная школа уже в 1860-е годы могла стать церковной, но тогда от церкви ее оттеснило либеральное земство», которое пришло в сельский мир со своими целями, как отмечали, связанными «с духовным растлением народа», так что к 1880-м годам народная церковная школа почти прекратила свое существование⁷⁰. В пореформенный период немало среди дворян-помещиков оказалось людей, готовых и строить у себя храмы, школы и больницы, но все они столкнулись с проблемой достойных кадров. Нередко случалось так, что в таких школах крестьянские дети получали революционные прокламации и несли эти знания домой⁷¹.

Возвращение народной школы было связано с именами С.А. Рачинского и К.П. Победоносцева. Важно, что в лице Победоносцева все начинания великого педагога поддерживала власть в лице императоров Александра III, а потом Николая II. Весной 1899 г. С.А. Рачинский получил императорский рескрипт, в котором (и это уникальный случай в тогдашней России!) приносилась признательность не выдающемуся государственному деятелю, а сельскому учителю. Прочитируем некоторые места из этого документа: «Многолетняя ваша деятельность на пользу народную обращает на себя особое Мое внимание», «вы явили для всего благородного сословия живой пример деятельности, соответствующей государственному и народному его призванию», «школы, вами основанные и руководимые, состоя в числе церковно-приходских, стали питомником в том же духе воспитанных деятелей, училищем труда, трезвости и добрых нравов и живым образцом для всех подобных учреждений», «близкая сердцу Моему забота о народном образовании, коему вы достойно служите, побуждает Меня изъявить вам искреннюю Мою признательность»⁷².

Современники отмечали в числе главнейших заслуг К.П. Победоносцева устройство народных школ. И именно за это начинание он подвергался наиболее яростной критике со стороны антимонархической прессы⁷³. Победоносцев сумел создать

⁶⁸ Там же. С. 79.

⁶⁹ С.А. Рачинский — В.В. Розанову // *Рачинский С.А. «Из доброго сокровища сердца своего...»* Статьи и письма. Нижний Новгород, 2013. С. 177.

⁷⁰ *Преображенский И.В.* Константин Петрович Победоносцев: его личность и деятельность в представлении современников его кончины. СПб., 1914. С. 131—132.

⁷¹ Там же. С. 32.

⁷² *Ушакова И.В.* Народная школа Рачинского... С. 86—87.

⁷³ Там же. С. 119.

Училищный совет при Святейшем Синоде, как высшую инстанцию для церковно-приходского управления, с помощью которого методично создавалась система народных школ. И это было не просто формальная деятельность. Исследователи отмечают глубокую личную вовлеченность обер-прокурора в народное школьное дело: «сотни тружеников на этой ниве были облагодетельствованы им»; писались циркуляры, «дышащие отеческой любовью к учащим и учащимся»; была подготовлена и издана книга «Ученик и учитель», где «учитель рассматривается как подвижник, несущий свой школьный крест», отличный от «педагога-наемника»⁷⁴.

Конечно, такая система требовала подвижничества от всех участников, как это понимали и Рачинский, и Победоносцев. Такое воспитание не нуждалось в дополнительных идеологических усилиях, по прививанию школьникам монархического чувства, оно уже закладывалось вместе с церковностью и отношением учителя и священника к школьному делу. Трудно сегодня ответить на вопрос: насколько созданная к 1917 г. система народной школы соответствовала замыслам этих двух новаторов. Но одно можно сказать, просматривая епархиальные ведомости различных епархий начала XX в., можно заметить как много там примеров существования традиции «детских паломничеств», которая впервые зародилась в Татеве, по инициативе С.А. Рачинского. Это яркий знак народной школы Рачинского. Как и сельские общества трезвости, как и живое участие священника в делах сельской школы. Одно можно сказать точно: что школа С.А. Рачинского, как особый феномен, постепенно становилась известной всей России и очаги ее появлялись в разных местах страны. Но этому процессу очень мешали те негативные тенденции, которые набирали силу в священнической среде: и самая главная — появление оппозиционной власти духовенства, тесно связанного с интеллигенцией и новаторскими веяниями в самой Церкви. Речь идет не о большем количестве этих людей, а об их большей смелости и активности и тем самым об увеличении их влияния на окружающую действительность.

Кроме указанных двух центральных направлений, — естественного, а не идеологического укрепления монархизма — существовали и другие формы, поддержания «доброй народности» со стороны верховной власти. Проведение известных международных выставок, где в качестве экспонатов были и произведения народных промыслов, было также целевой программой, направленной на поддержание народной культуры. Многие из императорских инициатив носили вполне конкретный характер. Например, создание Школы Народных Искусств Императрицы Александры Федоровны в Санкт-Петербурге, в начале XX в. Также «в целях сохранения иконописной традиции в 1901 г. был создан под покровительством Государя Императора Николая II Комитет попечительства о русской иконописи, вдохновляемый графом С.Д. Шереметевым и возглавляемый профессором Н.П. Кондаковым. Комитет открыл четыре иконописные школы: в Палехе, Мстере, Холуе Владимирской

С.А. Рачинский среди своих питомцев в татевской школе

губернии и селе Борисовка Курской губернии»⁷⁵. И такая деятельность (по поддержанию народной художественной культуры) верховной власти носила обширный всероссийский характер, поскольку речь шла о поддержании самих народных инициатив. Рынок промышленный и аграрный не мог не включать свой водоворот и мелкотоварную деятельность, тесно привязанную к рукоделью и художественным промыслам, число которых по всей России было велико и разнообразно. В этом смыс-

⁷⁴ Там же. 120.

⁷⁵ Некрасова М.А. Древняя традиция в искусстве Палеха // Народное искусство. Русская традиционная культура и православие. XVIII—XXI вв. Традиции и современность. М., 2013. Под ред. академика М.А. Некрасовой. С. 122.

ле царская власть вела себя «должным образом», как и в прежние времена, находясь с народом в самой тесной связи. В тех ее формах, которые соответствовали времени.

Обобщим всё сказанное о государственном и народном монархизме. Совершенно очевидно, что они не противоречили друг другу. Государство проводило свою линию на поддержание монархизма, не через пропаганду и идеологию внушения «массам» монархических симпатий, а через обычную — просвещенческую — деятельность, в которой народ действительно нуждался. Но совершенно понятно, что светское государство не могло действовать так, как оно действовало в допетровский период. Поэтому церковное воспитание, как главная линия духовного просвещения, позволяющая через веру и церковную жизнь формировать монархическое народное сознание, было предоставлено самой Церкви (через приходскую жизнь) и лишь в минимальной степени (Закон Божий, как обязательный предмет в учебных заведениях) оно присутствовало в учебном процессе. Также нельзя было одинаково действовать и в рамках светского воспитания и образования по отношению к простому народу (крестьянству), еще крепкому в массе своей в приверженности к вере и церковной жизни, и по отношению к более привилегированному и образованному сословию. Последние, должны были получить от государства возможность пользоваться своей, не зарубежной системой среднего и высшего образования, включая и необходимую возможность для аспирантуры, научной и преподавательской деятельности. Все это было создано к началу царствования императора Николая I, как национальный проект, в основу которого государство положило русские, православные и народные ценности, т.е. всё, из накопленного государством и народом за историю, самое ценное. И здесь светскость в максимальной степени превалировала, давая возможность с европейской свободой реализовывать образовательный потенциал. От учащихся и учащихся лишь требовалось быть благодарными и заинтересованными людьми, понимать, что это создание русской системы образования, как национального проекта, не может обходиться без опоры на национальные ценностные ориентиры. К сожалению, не все на этом пути реализации оказалось гладким, так как именно здесь, пользуясь свободой светского мировоззрения, стала постепенно возрастать оппозиция власти и формироваться широкий фронт борьбы (как либерального, так и революционного толка). И это был выбор людей, готовый отвергнуть все национальные ценности, отвернуть все самое родное и

святое ради тех идей, которыми они стали одержимы и которые, по их представлениям должны были освободить все человечество от «тирании» монархии и власти богатых над бедными.

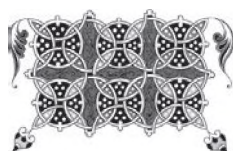
По отношению к простому народу — крестьянству — стала создаваться система низшего образования, как необходимый инструмент для практической деятельности крестьян, все более втягивающихся в аграрный и промышленный рынок страны на самостоятельных и инициативных правах. Поначалу, такие школы создавались на базе церковных приходов, но духовенство, хотя и горячо взялось за дело при Николае I, но, не имея существенных материальных доходов, не смогло развернуть эти школы в нечто активно развивающееся и соответствующее запросам времени. Поэтому, как только отменили крепостное право в 1861 г. правительство сразу принялось создавать земские сельские школы, уже на другой основе и с другими интересами. Материалистический и атеистический дух в этих школах, заставил правительство, через какое-то время обратить особое внимание на народную школу. Тем более, что появился опыт педагога С.А. Рачинского, сумевшего реанимировать прежнюю церковно-приходскую школу на новых условиях. Так, постепенно, стало выправляться положение с сельской народной школой, хотя один из главных вопросов, стоявший перед школой — вопрос о новой генерации духовенства — так и не был решен до революции 1917 г.

В целом же можно сказать, что корабль российской государственности двигался в нужном направлении, и власть делала все от нее зависящее, чтобы оперативно решать возникающие вопросы (пример тому — столыпинские реформы). Монархии, безусловно, было не избежать встречи со Сциллой и Харибдой — теми препятствиями, которые готовила власть финансов на Земле в этот период для всех стран мира. Факт мировой войны весьма красноречив и говорит он о том, что вопрос о войнах стал уже не привилегией двух или более стран, а делом капитала, неким общим делом, в котором были заинтересованы крупнейшие финансовые игроки всего мира. И в этом смысле Сцилла и Харибда и были той объективной реальностью, которой было не избежать и России. Но это была не революция, а только опасность для российского корабля. У корабля было возможно два пути: пройти мимо скал и плыть дальше, до следующего испытания и разбиться о скалы. Крушение не было предопределенностью и объективной необходимостью, но лишь одной из возможностей. Вот почему, революция 1917 г., не являлась неизбежностью для России, как и монархия, не просто не изжила себя, но и не нуждалась в замене другим строем для решения задач, стоящих перед страной. Гибель корабля стала во многом результатом позиции «молчащего большинства», как среди простого народа, так и среди монархического и в целом па-

триотического лагеря. «Молчащих» не всколыхнула ни Мировая война 1914 г., ни предреволюционные события, ни даже, возможно, и сама революция. Слишком велик и энергичен был революционный напор, не позволявший простому народу увидеть и дать оценку происходящему. Во времени без покоя и без возможностей правильно понять и оценить происходящее и развивались события, заставившие большинство пребывать в молчании. Только в таком контексте может

быть понята та идея и те события, которые связаны с появлением иконы Державной Божьей Матери летом 1917 г. в Москве. Согласно этой идее Божия Матерь берет в Свои руки монархическую власть в России, власть личной и полной ответственной перед Богом за страну⁷⁶. Подобный шаг был бы нелогичным, если бы народ действительно отрекся от царя и от монархической власти. В этом случае монархическое правление в любой его форме в России было бы бессмысленным.

---

⁷⁶ См. обстоятельную монографию на этот счет: «Царица Небесная. Державная Правительница Земли Русской». М.: Русский издательский центр имени святого Василия Великого, 2017. 3-е изд. Сост. С.В. Фомин.